

В конце второго дня съезда СТД РСФСР, проходившего на прошлой неделе, кажется, все уже определилось. Был ровный, несколько заторможенный темп, изредка взрываемый легким и незначительным «крещендо». Между тем что-то накапливалось в сияющем люстрами Колонном зале. И возник аккорд. Не столько мощный, сколько верный и чистый. Сергей Юрский сильно нарушил регламент. Но этого нарушения, кажется, хотели все. Публикуя с сокращениями его выступление, мы не хотели «причесывать» текст и постарались сохранить его эмоциональный строй. Полностью выступление будет напечатано в журнале «Театральная жизнь».

Сергей Юрский:

В КАКУЮ СТОРОНУ МОЛИТЬСЯ?

У меня трагическое чувство от той жизни, которой мы сейчас живем. Трагическое — не значит совсем уж унылое, иногда хочется противостоять, действовать. Но многие вещи выросли для меня в тяжелые вопросительные знаки.

Итак, будет создан реестр театров, которые являются достоянием нации. Этот реестр может быть прекрасен, а может быть, это будет опять создание новых академических театров. И то, и другое возможно, но главное, что будет создан реестр, за пределами которого останутся очень и очень многие. Можно ли в реестр вогнать всех? Видимо, нет. Например, Литва еще год назад сказала: у нас для театра денег нет и не будет. Это раньше у вас не было свободы, теперь у вас свобода есть, поэтому денег нет. Вслед за самыми свободными республиками подобное будет происходить, наверное, во всех городах, во всех областях. Сам факт существования СТД может встать под вопрос — не только СТД СССР, но и СТД РСФСР, потому что количество театральных деятелей по той тенденции, которая существует, должно сократиться в несколько раз, и весь союз может так уменьшиться, что уместится в одном Колонном зале Дома союзов.

Средний возраст членов СТД очень велик. Почему? Ведь не было такого, чтобы говорили — давайте молодежь не будем принимать. Видимо, сама молодежь не очень интересуется СТД, видимо, это не приоритетная вещь.

Меня тревожит дифференциация. Мне говорят: всегда была разница между провинцией и столицей, театрами академическими первого класса и театрами академическими второго класса. Мне говорят: зарплата у вас была чуть ли не в два раза ниже, чем в театрах первого класса, таких, как МХАТ или Большой.

Но сейчас коллеги, с которыми мы общаемся (я соединяю воедино — кино, театр, телевидение, потому что это те самые люди, это драматические актеры, которые составляли в общем единый круг), они говорят, что есть другие театры. Эти могут (и очень хорошо, их много, но они есть) заплатить за день месячную зарплату. Сейчас есть фильмы или телевизионные упражнения, в которых участвуют

те же актеры, но им могут за день заплатить годовую зарплату.

Вот диалог между молодой актрисой и ее современным нанимателем, который я слышал на «Мосфильме». Она сыграла одну роль, ей 21 год.

— Мы вас приглашаем на эту небольшую роль в этом фильме.

— Хорошо, хорошо, да, да, мне очень нравится сценарий. Я стою 60 тысяч.

— Но роль в неделю съёмки, и там нет раздевания.

— Было бы раздевание, я бы с вами иначе говорила.

Это наши молодые коллеги. Может быть, изменилась ситуация, может быть, они предъявили такое качество игры, которое не снилось нам, несчастным, прожившим в ВТО и в СТД свои 20—30—40 лет? Да нет, мои столкновения с представителями коммерческого кино или телевидения, с режиссерами, с исполнителями, которых нанимают и которые получают громадные деньги, показывают чаще всего одно: эти люди вообще не профессионалы, совсем ничего не умеют. Что их вывело, не буду сейчас анализировать. Слушай. А откуда же деньги? Ах, это новые купцы, которых сейчас прославляют со всех трибун, которые заботятся об искусстве...

Стал пробовать выяснять, откуда берутся эти благодетели, еще только недавно бывшие бедными людьми, а теперь уже богатыми? Первое, что они делают со своим богатством, — сразу отламывают полмиллиона, миллион. Я занялся только одним делом и выяснил, что дело очень простое. Таким способом можно материализовать деньги, лежащие в банке, превратить счет в живые купюры. И действительно подарить их, но из них взять некоторую часть, как живые деньги, себе. Только и всего!

Идет все то же. Пока еще нет цивилизованного капитализма, идет все то же разграбление государства, бывшего Советского Союза. Его раньше грабили партийным путем, теперь грабят купеческим. Иногда и с помощью имен, а иногда с помощью никому не известных артистов. Но все это под вскриком: благодетель! Мы создаем новые структуры!

В результате — снижение уровня, невероятное снижение уровня.

Блеф. Вот то слово, которое я хотел бы применить по отношению к сегодняшней ситуации с искусством. Я не

говорю, что нет исключений. Я говорю об общей тенденции, которую вижу.

Зритель тоже со страшной силой исповиается: почему-то зритель всегда склонен к этому, наверное, должен быть к этому склонен. Дело художников держать определенный уровень. И вот здесь вернемся к проблеме той организации, на съезде которой мы собрались.

ВТО, или СТД, начиналось как благотворительная организация, где более успешные и более счастливые актеры, художники, режиссеры делились, попросту говоря, своими доходами с менее успешными. Это начал Мольер, когда сказал в своей труппе: надо тем, кто сильно заболел, с каждого спектакля отстегивать. Как, все согласны? Они все были согласны, там была маленькая труппа. Российское театральное общество было прекрасной организацией на эту же тему, но в гораздо более широком масштабе. Затем ВТО приобрело новые функции. Вспомним, в сталинское время это была одна из немногих действительно общественных организаций, так как она успела возникнуть еще до возникновения партии, самостоятельно. Она была авторитетной, она была в какой-то степени приближающейся к гамбургскому счету. Она была узкой, но, несмотря на то, что маленький Дом актера вмещал 400 человек, туда умещались и съезды ВТО. И оттуда исходили токи, там знали, что хорошо в искусстве, а что плохо.

Дом актера, руководимый Эскиным, к которому стекались высшие токи авторитетов театра, имел большое значение. Получить Государственную премию было престижно, к этому стремились, чуть стеснялись, но все-таки стремились. Однако иметь вечер в Доме актера или участвовать в вечере в Доме актера и иметь там успех — тоже очень, очень много значило. И часто эти вещи не совпадали. А если совпадали — это был счастливый случай.

Мне показалось, что сейчас Союз театральных деятелей боится быть камертоном в искусстве и думает, что теперь действительно нужно только помогать материально, по-возможности. Но помогать можно и авторитетом. Мало того, теперь авторитет совершенно необходим, потому что наша критика жутко испугалась новых течений. Не в том смысле, что она их не признает, наоборот, она всех их пропускает и кланяется им в пояс, независимо от качества.

Западный вкус, который нам иногда не подходит, а иногда действительно являет-

ся просто низким вкусом, проскакивает, проскакивает, потому что стесняются сказать правду. Ну как ее скажешь? Это ведь новое, это у нас запрещалось, а потому этому у нас сейчас — дорогу, дорогу, дорогу...

Каждый день поглядываю на магазин-салон, который называется «У Художественного театра» и разделит вход актерский и вход зрительский. Не предрекаю. Но побаиваюсь, что когда-нибудь этот театр может оказаться «У Художественного салона». Не потому, что там плохие люди работают, а потому что страшная сила денег, наверное, победит, уже побеждает.

Цены нас низведут в ничтожество. Но давайте по крайней мере не прославлять этот приход денежного мешка! Давайте по крайней мере не радоваться, а сохранять свое достоинство и свой вкус. Давайте не изучать вкус новых купцов и не делать то, что им нравится!

Что же делать СТД? У него есть тенденция превратиться в министерство, разбухнуть, иметь все структуры, все средства, и, как всякое министерство, постепенно коррумпироваться, обюрократиться. Это процесс естественный и абсолютный. Достоевский точно сказал, что в России так будет всегда. Значит, вопрос только в создании демократических противовесов.

Нужны, думаю, три формы власти: законодательная, исполнительная, судебная. Мы жили в рабовладельческом обществе, называемом социалистическим. Мы были шутами рабовладельцев. Это была очень неплохая позиция, потому что нас, во всяком случае лучших из нас, любили и очень хорошо содержали. Поэтому когда знаменитые актеры приходили к властям на всех уровнях, оставалось только получить улыбку и маленькое согласие. А дальше исполнительные дела нас не касались. Черную работу, слава Богу, у нас кто-то брал на себя.

Теперь этого нет и чем дальше, тем больше не будет. Мы должны платить. Чем? У нас сейчас будут покупать одно — наше доброе имя и нашу совесть. Стоит ли этим торговать? Конечно, стоит, потому что у нас другого нет. Но не целиком продавать, а часть!

Надо придумать какую-то структуру, которая займется защитой интересов людей театра от тех, кто их нанимает на работу. Нужны юристы. Не один, не пять и не десять. Только сотни юристов смогут защитить нас. Они, юридически образованные, активные и получающие от нас очень большую зарплату, очень большую часть нашего заработка, будут бороться за наши интересы. Абстрактный юрист, которого нужно дождаться, а он бывает по вторникам с 17 до 18.30, один на Москву, позабывший все законы, а новые еще не прочитавший, — не поможет.

Может быть, нужен комитет по спасению или предпринимательству или создание бесконечных малых предприятий? Или давайте просто торговать, мы имеем на это право. Чем? Чем-нибудь. Что-нибудь покупать на Западе, что-нибудь продавать. Не правда ли — это замечательно, особенно под названием «Союз театральных деятелей. Экспорт, импорт».

Давайте, хотя бы по возможности, не приглашать торгующих в храм. Если у нас нет сил на изгнание из храма, то давайте по крайней мере молиться в сторону алтаря, а не в сторону входящих торгующих!